

ИСТОРИЯ ДВУХ ТЕАТР

«Милый лжец», поставленный во МХАТе И. Раевским, бесспорно хороший спектакль. Даже очень. А между тем писать об этом спектакле трудно. Его надо не объяснять, а воссоздавать. Воссоздавать шаг за шагом, чтобы каждый смог услышать голоса Кторов и Степановой, увидеть их словно бы воочию — как они ходят, встают, садятся, смотрят (особенно смотрят), словом, надо сделать так, чтобы читатель, хотя бы мысленно, но перенесся в зал Московского Художественного театра.

А как это сделать в коротких первых впечатлениях, и вообще — как это сделать в газете? Вот я сижу и ломаю голову, а перед глазами высокая, стройная, удивительно элегантная А. Степанова — миссис Патрик Кемпбелл и А. Кторов — Бернард Шоу. Исполнение его — без преувеличения — художественное открытие. Он сыграл такого умного, доброго, сердечного, такого эгоистичного, ироничного, так глубоко чувствующего Бернарда Шоу, что никаким иным его теперь уже представить просто и невозможно.

А что, спросите вы, спектакль так уж достоверен и актер так уж хорошо загримирован, что его и героя друг от друга не отличишь? Нет, отличишь сразу же. Ведь

грима почти нет и портретного сходства тоже никто не добивался. Добивались другого и сумели добиться не вопреки, а именно благодаря сложности поставленных задач.

Как почти всякое талантливое произведение искусства, «Милый лжец» полемичен по отношению к некоторым устоявшимся представлениям. На этот раз под сомнение берется обязательность традиционного построения пьесы. В «Милом лжеце» Джерома Килти нет ни интриги, ни завязки, ни развязки, ни действия — в смысле его непосредственного воплощения в тот или иной сюжетный ход. Просто два человека читают со сцены письма, которые они писали друг другу на протяжении сорока лет. И пьеса длится сорок лет. И герои стареют на наших глазах на сорок лет. Как это они делают, другой вопрос, но факт остается фактом. И самое главное то, что все происходящее очень интересно. И не только интересно — все это бесконечно волнует. Публика сидит два длинных действия (каждое — больше часу) и в зале — тишина. Не вежливая тишина, а заинтересованная, сочувственная, очень внимательная тишина.

Однако поначалу зрители вни-

мательны к самой пьесе. Как умеет писать Бернард Шоу, знает каждый, а тут еще литература особого рода — письма к любимой женщине. В них порой такая обнаженная искренность, что кажется — дальше слушать просто невозможно. Это тогда, например, когда Шоу сообщает Патрик Кемпбелл о смерти и погребении своей матери и еще когда он пишет ей о своей любви, о своей безмерной любви... И Кемпбелл достойна таких писем, такой открытости, таких чувств. Эта знаменитая актриса, красивая и избалованная поклонением женщина, оказывается и очень умным, и очень все понимающим, и очень значительным человеком. Есть и у нее письма — она посылала их Шоу на закате дней, — эти письма тоже нельзя слушать без внутренней боли. Но это мужественные письма, и жалость — отнюдь не единственное чувство, которое они вызывают...

Так как же все-таки сыграли Кторов и Степанова и как поставил эту необычную пьесу И. Раевский? Попытался ли он подчеркнуть в ней какие-либо отдельные мотивы — ну, скажем, выделить любовную линию, или то, что относится к искусству, или, наоборот, гражданскую, социальную подо-

плеку всего происходящего? К счастью, нет, не пытался. Такая попытка облегчила бы его задачу, но обеднила бы спектакль, который ценен именно полнотой воссоздания многих и многих линий. Рука режиссера, его мастерство, его точка зрения — на этот раз в кажущемся отказе от точки зрения, в стремлении обнаружить все явные и подспудные течения пьесы. Конечно, это очень трудно — дать звучать разным темам, но актеры справляются с этой трудностью легко, изящно и, кажется, мимходом.

А. Степанова не поддалась соблазну показать знаменитую актрису, а А. Кторов — чудаковатость и эксцентричность гения. Они играют так же, как режиссер ставит, — ни на что не «нажимают», ничего не акцентируют, дают натуре своих героев проявиться свободно и вольно. Но мы-то знаем, что, читая они текст «просто так», как мы с вами, — ничего бы не получилось. Значит, это высшая степень мастерства и личной, гражданско-заинтересованности — сыграть так, чтобы за частной историей двух, но подчеркнуть, необыкновенных людей встали вопросы бытия, истории, искусства, любви и морали.

Н. ЛОРДКИПАНИДЗЕ.

Известия, 1962, 20 октября